

Е.В. Ревуненкова

МОТИВ БУЙВОЛА В ТРАДИЦИОННОМ ЖИЛИЩЕ БАТАКОВ И МИНАНГКАБАУ (ИНДОНЕЗИЯ)

В течение многих лет моей работы в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого я постоянно наблюдала, сколь притягательны для посетителей макеты традиционных жилищ батаков и минангкабау, населяющих соответственно северную и западную часть острова Суматра (Индонезия).

Дома этих народов различаются между собой по внешнему виду. У батаков прежде всего бросается в глаза пирамидальная многоярусная структура домов, состоящих из нескольких надстроек, каждая из которых имеет основание на крыше нижестоящей постройки и повторяет в уменьшенных размерах ее конструкцию. Если у батаков традиционные дома вытянуты по вертикали, то у минангкабау они вытянуты по горизонтали и состоят из нескольких пристроек с правой и левой стороны основного строения и тоже повторяют его очертания, но, как правило, в усеченном виде и ниже по высоте.

Кроме того, традиционные жилища батаков и минангкабау отличаются по используемым материалам, украшениям наружных стен домов, разными пропорциями между крышей и стенами (у батаков доминирующим конструктивным элементом является массивная крыша, у минангкабау — более равномерное соотношение размеров между крышей и стенами), внутренней планировкой и рядом других конструктивных особенностей.

Но имеется и нечто общее в архитектурном стиле того и другого народа, а именно форма крыши: седловидная у минангкабау и седловидная, конусообразная или трапециевидная у батаков. Во всех этих формах явно прослеживается мотив буйвола в реалистической или условной манере. У батаков скульптурные изображения голов буйвола увенчивают коньки крыш с двух противоположных сторон дома. Они делаются из волосяного покрова аренговой пальмы *Arenga saccharifera* (иджука) и обмазываются смесью извести, клея и меда, что защищает их от воздействия дождей и ветров [Huender 1929: 522]. Немецкий собиратель каро-батакской коллекции Георг Мейсснер прямо называет это украшение батакским словом *tanduk* — буквально «рога» (опись отдела Индонезии

381 L). У минангкабау коньки седлообразной крыши представляют собой шпильи, имитирующие буйволиные рога.

Выдающаяся исследовательница жилища Юго-Восточной Азии Роксана Уотерсон считает, что у каро батаков головы буйволов на фронтоне традиционных домов выполняют защитную функцию [Waterson 1991: 7]. Это, конечно так и есть, но при этом надо иметь в виду, что в этой функции находит свое выражение целый комплекс представлений, связанный с буйволом, который постоянно проявляется в повседневной и ритуальной жизни батаков и минангкабау. Чтобы понять смысл этого архитектурного элемента в традиционном жилище этих народов, необходимо осветить хотя бы некоторые из них.

У батаков буйвол используется как ездовое, пахотное и культовое животное. Обычная картина деревенской жизни батаков: на дорогах постоянно встречаются повозки, запряженные буйволами, а на рисовом поле буйволы поедают оставшиеся после сбора урожая стебли риса, одновременно вспахивая поле для будущего посева. С буйволом батаки связывают и родственные отношения. Некоторые батакские роды считали себя потомками белого буйвола [Wilken 1912: I, 536]. На жезлах батакского жреца, представляющих собой образцы искусной деревянной скульптуры, имеются изображения человека с телом буйвола (напр., жезл № 2318–22 в коллекции МАЭ), означающие, возможно, одновременно и человека, и его животного предка, в которого попадает душа человека после смерти [Wilken 1912, IV:115; Ревуненкова 1973: 197].

В прошлом были распространены жертвоприношения буйвола, гадания по буйволу, о которых подробно говорится в жреческих книгах (напр., № 2318–14 в коллекции МАЭ), заключение дружественных союзов путем поедания мяса буйвола. Ритуалы, связанные с жертвоприношениями буйвола, часто проводились во время стихийных бедствий. По поведению умирающего животного жрец определял, насколько благосклонно настроены духи предков, высшее божество и властелины восьми сторон горизонта [Korn 1953: 35–41; Voorhoeve 1958: 238–248; Ревуненкова 1969: 242; 2010: 255, 271]. В современной жизни тоба батаков сохранился обряд забивания буйвола для поминальной еды, на приготовлении которой я присутствовала в 1999 г.

Что касается минангкабау, то почитание буйвола у них настолько велико, что народная легенда связывает происхождение самого названия этого народа со словом «буйвол». Легенда существует в нескольких вариантах, но неизменно присутствует сюжет о том, как суматранский народ хитростью победил яванцев в поединке буйволов и поэтому стал называться «минангкабау» — букв. «победивший буйвола». Эта легенда

проникла и в официальную историографию — первое малайское произведение на историческую тему «Повесть о раджах Пасая», созданную в XIV в. [Hill 1960: 102–104; Jones 1999: 68–69].

Особое отношение к буйволу у минангкабау проявляется не только в верованиях и традиционном архитектурном стиле, но и в одежде, в характерном для женщин способе повязывания головных платков, образующих форму головы буйвола. Все это сохраняется и в настоящее время, даже если представители этого народа, в целом очень склонного к миграции, живут вне пределов своей родины.

Так, в 1999 г. в Джакарте, присутствуя на свадьбе невесты минангкабау и яванского жениха, я обратила внимание на то, что не только невеста была в традиционном костюме, но обслуживающие свадебное угощение девушки были в головных уборах, имитирующих буйволиные рога. А на огромной сцене (свадьба проходила в одном из концертных залов) был выстроен почти в натуральную величину традиционный дом минангкабау, покрытый золотой краской с характерной для него слегка прогнутой по верху крышей, коньки которой представляли собой устремленные вверх шпильки, напоминающие рога, а вся крыша имела очертания головы буйвола.

У батаков и минангкабау декоративные элементы жилища, связанные с буйволом, получили, может быть, наиболее яркое воплощение. Но в целом реалистические или условные изображения рогов буйвола являются обязательным формообразующим элементом крыши в жилищах всей Индонезии и островов Океании. Более того, они встречаются во всей Юго-Восточной Азии — как материковой, так и островной, а также в Японии и Китае.

Эти изображения могут быть очень разнообразными — от украшенных тонкой и искусной резьбой (в них отчетливо проглядываются также образы змеи или птицы) до сложенных крестом деревянных палочек. И очень часто названия этих изображений восходят к слову «рога». Они отражают огромное значение, которое играл и играет буйвол в жизни народов Юго-Восточной Азии, но не только.

Седловидная форма крыши и декоративные ее элементы в виде рогов буйвола в различных вариантах являются важным показателем древнейших связей австронезийских народов и помогают по-новому взглянуть на проблемы их происхождения. И эти проблемы не одно десятилетие, используя комплексный подход, решают многие этнологи, археологи, лингвисты — специалисты по этому огромному региону [Bellwood 1985; Blust 1976: 19–43; Domenig 1980; Heine-Geldern 1966: 165–221; Waterson 1991: 1–26].

Библиография

Ревуненкова Е.В. Книги батакских жрецов в собраниях МАЭ // Сборник МАЭ. Л., 1969. Т. 25.

Ревуненкова Е.В. Магические жезлы батаков Суматры // Сборник МАЭ. Л., 1973. Т. 29.

Bellwood P. Prehistory of the Indo-Malaysian Archipelago. North Ryde, New South Wales, 1985.

Blust R. Austronesian Culture History: Some Linguistic Inferences and their Relations to the Archaeological Record // World Archaeology. 1976. № 8.

Domenig G. Tektonik im Primitiven Dachbau. Zürich, 1980.

Heine-Geldern R. Some Tribal Art Style in South East Asia: An Experiment in Art History // D. Fraser (ed.) The Many Faces of Primitive Art: A Critical Anthropology. Englewood Cliffs, 1966.

Hill A.H. (ed.) Hikajat raja-raja Pasai // Journal of the Malayan Branch of the Royal Asiatic Society. 1960. Vol. XXXIII. Pt. 2.

Huender W. Het Karo-Bataksche Huis // Bijdragen tot de Taal,-Land en Volkenkunde. 1929. D. 85.

Jones R. Hikayat Raja Pasai. Kuala Lumpur, 1999.

Korn V.E. Bataksche offerande // Bijdragen tot de Taal,-Land en Volkenkunde. 1953. D. 109. Afl. 1, 2.

Voorhoeve P. Bataksche Buffelwichelarij // Bijdragen tot de Taal,-Land en Volkenkunde. 1958. D. 114. Afl.2.

Waterson R. The Living House. An Anthropology of Architecture in South-East Asia. Singapore, 1991.

Wilken G.A. De verspreide geschriften. Semarang, 1912. D. I, IV.

В.Н. Семенова

МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ ИНСТИТУТА ЭФИОПСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ АДДИС-АБЕБСКОГО УНИВЕРСИТЕТА: О ПРИНЦИПАХ ПОСТРОЕНИЯ ПОСТОЯННОЙ ЭКСПОЗИЦИИ

Институт эфиопских исследований, об экспозиции которого пойдет речь, был основан в 1963 г. С момента основания он входил в состав университета им. Хайле Селласие I, позднее переименованного в Аддис-Абебский университет. Структурно Институт состоял из Этнологи-